



# РЕЛИГИОЗНОЕ ЧУВСТВО – САМЫЙ ВПЕЧАТЛЯЮЩИЙ ФАКТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Текст презентации «Религиозного чувства»  
с участием Ирене Элизеи, Хавьера Прадеса и Давиде Проспери

Милан, театр Даль Верме, 2 мая 2023 г., с трансляцией в разных городах Италии и мира



# РЕЛИГИОЗНОЕ ЧУВСТВО – САМЫЙ ВПЕЧАТЛЯЮЩИЙ ФАКТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

## Текст презентации «Религиозного чувства» с участием Ирене Элизеи, Хавьера Прадеса и Давиде Проспери

Милан, театр Даль Верме, 2 мая 2023 г.,  
с трансляцией в разных городах Италии и мира

### Давиде Проспери

Всем добрый вечер и добро пожаловать! Приветствую и благодарю всех вас, собравшихся здесь, в театре Даль Верме в Милане, и тех, кто подключился к нам в Италии и за рубежом. От наших друзей из разных мест, где организованы трансляции, я знаю, что во встрече примут участие представители Церкви и гражданского общества, а также множество людей, не принадлежащих к «Общению и освобождению». Благодарю вас за ваше присутствие и надеюсь, что сегодняшний вечер станет возможностью лучше узнать друг друга. Мы только что услышали отца Джуссани, который подвел нас к теме религиозного чувства следующими словами: «Речь идет не просто о факте, о событии, а о самом впечатляющем и неискоренимом факте в истории человечества» (Podcast *Il senso religioso*. P. 1. 5:13). Аудио является частью подкаста, выпущенного компанией *Choramedia* и доступного онлайн. Он охватывает все содержание книги «Религиозное чувство», и впервые о нем рассказывает живой голос отца Джуссани.

Думаю, уже по этому короткому отрывку можно хорошо представить себе, с какой силой отец Джуссани знакомил молодых людей и всех, с кем он встречался, с темой религиозного чувства, как живо и увлеченно он предлагал им, задействовав весь их разум и всю человечность, принять всерьез то желание смысла, ту устремленность к бесконечному, которые любой человек испытывает и обнаруживает в себе. Именно такая его

убежденность всегда подпитывала его неустанные усилия, направленные на воспитание молодежи. Вспомним его знаменитую фразу: «Мы губим молодых людей, если ждем, что их будут воодушевлять ограниченные вещи» (*Porta la speranza*. Genova: Marietti 1820, 1997. P. 68). Для отца Джуссани ограниченным является любое предложение, не стремящееся распахнуть взгляд и подвести к опыту всеохватного смысла существования.

Как многие из вас знают, отец Джуссани придал законченную форму лекциям, которые он читал сначала в миланском лицее Берше, а затем в Католическом университете, в 1986 году в «Религиозном чувстве» – его наиболее известной и наиболее переводимой на разные языки книге.

Только что вышло новое ее издание, подготовленное издательством *Bur*. Пользуясь случаем, благодарю издательство *Rizzoli* и группу *Mondadori*, представители которых присутствуют в зале, за многолетнее плодотворное участие в наших издательских проектах.

Мы решили подготовить новое издание, чтобы общины «Общения и освобождения» в Италии и по всему миру вновь обратились к этому тексту во время работы на школе общины. В конце нашей встречи я позволю себе в течение нескольких минут объяснить, о чем речь, учитывая, что школа общины открыта не только для членов Движения, но и для всех, кто желает глубже рассматривать подобные темы.

Переиздание позволило нам обогатить книгу новой вступительной статьей – текстом выступ-





пления архиепископа Буэнос-Айреса Хорхе Марио Бергольо (ныне папа Франциск) на презентации испанского издания «Религиозного чувства» в 1998 году. Еще раз поблагодарим Святейшего Отца за то, что он позволил нам напечатать это его размышление.

Поразительна актуальность его слов. Он говорил: «„Религиозное чувство“ – книга, предназначенная не исключительно для членов Движения, или только для христиан, или только для верующих. Это книга для всех людей, всерьез относящихся к собственной человечности. Осмелюсь сказать, что сегодня перед нами стоит не столько проблема Бога, проблема существования Бога, познания Бога, сколько проблема человека, познания человека, проблема обретения в человеке того отпечатка, который Бог оставил в нем, чтобы человек мог встретиться с Ним» (L. Giussani. *Il senso religioso*. Milano: Bur, 2023. P. VI).

В организации сегодняшней встречи нас, в частности, вдохновлял этот текст будущего папы Франциска. Чтобы представить книгу, которая, на наш взгляд, является в высшей степени актуальным и увлекательным вызовом для современного человека, мы задумали публичную презентацию, открытую для всех.

Чтобы глубоким и конкретным образом рассмотреть содержание книги, мы пригласили отца Хавьера Прадеса, ректора Университета св. Дамаса в Мадриде и ординарного профессора догматического богословия. Сердечно благодарим его за согласие. Благодарю также журналистку Ирене

Элизеи, которую мы попросили вести сегодняшнюю встречу.

Спасибо, вам слово.

### **Ирене Элизеи**

Добрый вечер всем и спасибо Давиде Проспери, президенту Братства «Общения и освобождения». «Объективный критерий... исходный опыт, которым все матери *одинаково* наделяют своих детей. <...> Потребность в добре, справедливости, истине, счастье составляет конечный облик, глубинную энергию, благодаря которой люди всех времен и народов, во все времена, подходят ко всему... и мы с волнением читаем строки, написанные несколько тысяч лет назад древними поэтами, и нам кажется, что они подсказывают нам для нашего настоящего то, что мы порой не можем понять, исходя из опыта повседневного общения. Почему это возможно? Потому что этот исходный опыт, как мы говорили, по сути своей *одинаков* во всех, даже если затем он будет определен, выражен, осуществлен самыми разнообразными способами, кажущимися совершенно противоположными» (ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. М.: Христианская Россия, 2004. С. 13).

Я хотела начать с этих слов, которые Джуссани пишет на первых страницах «Религиозного чувства», даже если они не самые известные и не самые цитируемые, поскольку они всем нам дают одну и ту же отправную точку, говорят о том, что мы все пережили, пусть даже только в школьные

годы, когда читали строчку стихотворения, название определенной книги, слышали произведение классической музыки или куплет песни. Не случайно «Религиозное чувство» изобилует цитатами. Один из наиболее цитируемых авторов – Джакомо Леопарди, и меня глубоко поразило (поражает каждый раз, когда я его перечитываю) его стихотворение, написанное почти двести лет назад, – «Ночная песнь пастуха кочующего в Азии»: «Когда гляжу, как небосвод обилен / Созвездьями, и мыслю: / Зачем такое множество светилен? / И беспредельность воздуха? и глубь, / И ясность неба без конца? что значит / Огромная пустыня? что я сам?» (*Там же*. С. 52). Перед нами экзистенциальные вопросы, образ религиозного чувства. Как мы слышали только что от самого отца Джуссани, он говорит о религиозном чувстве как о «факте», тогда как обычно для нас это вопрос чувствительности (чем я чувствительней, тем больше задаюсь определенными вопросами, и наоборот). Помогите нам понять, что имеет в виду отец Джуссани, когда утверждает, что религиозное чувство – это факт.

### Хавьер Прадес

Добрый вечер, Ирене, добрый вечер всем. Начну с благодарности Давиде Проспери за приглашение принять участие в сегодняшнем диалоге, посвященном этой невероятной книге отца Джуссани.

Мы только что услышали: религиозное чувство – объективное явление, реальный факт, реальность, а не идея и не чувство. Затем он добавляет: «Речь идет о самом впечатляющем и неискоренимом факте в истории человечества». Почему? Исчерпывающий ответ мы получим постепенно, по мере совместного чтения книги. Сейчас же мы можем вспомнить другую мысль отца Джуссани: «Мы называем религиозным чувством сердце человека: жажду истины и счастья, устремленную к высшему благу, к окончательному смыслу, превосходящему наше воображение и способность давать определения и притом являющемуся причиной всех действий. Религи-

озное чувство есть вершина разума, потому что разум – осознание реальности в целокупности ее факторов» (*L'io, il potere, le opere*. Genova: Marietti 1820, 2000. P. 92). Остановимся на этих словах: жажда истины, жажда счастья. Мы можем сразу признать: они направляют к всеохватному смыслу, превосходящему наше воображение и способность давать определения. И притом в них причина всех наших действий. Джуссани, таким образом, напоминает о своем знаменитом определении разума как «осознания реальности согласно совокупности всех ее факторов». Религиозное чувство как жажда истины, жажда счастья, которое я не могу ни вообразить, ни определить, но которое движет и направляет все мои действия. Вот что ему интересно. И он добавляет, что религиозное чувство есть «твердая позиция с точки зрения сознания и – по мере сил – практического поведения человека перед лицом его судьбы» (Ср. Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. М.: Христианская Россия, 2004. С. 166).

Почему Джуссани говорит о «впечатляющем факте»? Потому что в такой правильной позиции с точки зрения сознания и практического поведения заключается вся человеческая жизнь, каждого отдельного человека и общества, народов и всего человечества. Вот почему речь о впечатляющем факте.

**Элизеи.** Мы еще вернемся к этому. Прежде хочу задать простой, но существенно важный вопрос. Почему полезно сегодня вновь поднимать тему религиозного чувства? Не знаю, как в Мадриде, а в Милане мы вечно куда-то бежим, мы всегда чем-то заняты, и кажется, что эту проблему можно так или иначе отложить в сторону. Нужны веские причины, чтобы предлагать людям читать книгу, в центре которой – вопросы, тогда как весь окружающий нас мир судорожно пытается дать ответы в кратчайшие сроки.

**Прадес.** В каком контексте мы сегодня живем? Приведу удачное и уже ставшее знаменитым выражение папы Франциска: «перемена эпохи» (См. *Речь на встрече с участниками V Националь-*

*Остановимся на этих словах: жажда истины, жажда счастья.*

*Мы можем сразу признать: они направляют к всеохватному смыслу, превосходящему наше воображение и способность давать определения. И притом в них причина всех наших действий.*

ной конференции Церкви Италии. Флоренция, 10 ноября 2015 г.). Оно тоже может превратиться в слоган, который какое-то время все цитируют, прежде чем перейти к следующему. Однако, если мы принимаем его всерьез, оно очерчивает перед всеми нами горизонт глубочайших перемен, происходящих в нашем обществе (отдельные авторы даже называют их антропологической революцией). Момент, в который мы живем и в который мы вновь предлагаем книгу отца Джуссани, – момент, когда перемены, преобразования столь масштабны, что затрагивают само понимание того, что есть человек, какова человеческая идентичность. Если бы решили описать явления, подпадающие под этот диагноз, от нас бы потребовалась работа, более уместная для культурологического исследования. Сегодня вечером я сделаю лишь несколько замечаний.

Подумаем о сфере технологий, а если коротко, о НБИК-конвергенции (нано-, био-, информационные и когнитивные технологии). Это целый мир, который мы без труда признаем одним из измерений нашей реальности.

Есть и другой полюс, другая, весьма актуальная, сторона этой перемены эпохи, более непосредственно касающаяся человека, – растущее самоутверждение индивидов, оторванное от отношений, самоопределение, все более понимаемое в свете чувств. Подумаем о нарциссизме в наших обществах: тут может открыться (может и должен открыться) другой горизонт вопросов. Чтобы обобщить, приведу суждение папы Бенедикта XVI, говорившего о «дисбалансе между техническими возможностями» (они огромны и сами по себе в высшей степени полезны для благоденствия нашего общества) и «нравственными силами». Он добавлял одну интересную вещь: «Уверенность, которая необходима нам как предпосылка нашей свободы и достоинства, в конечном счете не может происходить от технических систем контроля [не системы сделают нас уверенными], она может возникнуть только от нравственной силы человека. Если эта сила отсутствует или недостаточна, то человеческая власть неизбежно, и с каждым днем все больше и больше, будет превращаться во власть разрушения» (Benedetto XVI. *L'Europa di Benedetto nella crisi delle culture*. Roma: Lev; Siena: Cantagalli, 2005. P. 32). Нельзя однозначно сказать, что все так и будет, но это возможно.

То, что Бенедикт XVI называет «нравственными силами», человеческий облик в полном смысле слова, хорошо соотносится с озабоченностью отца Джуссани, когда он предложил «Религиозное

Отец Джуссани  
подталкивает меня  
сзади, спереди, со всех сторон,  
и говорит: «Очнись!  
Ведь если нет тебя,  
ничто из того,  
что ты говоришь,  
делаешь, предлагаешь,  
чего желаешь, о чем мечтаешь,  
ради чего страдаешь,  
не является твоим!»»

чувство» и свой воспитательный путь. В известных словах, знакомых многим из нас, он подчеркивал утрату чувства «я», потерю нравственных сил, о коих говорил Бенедикт, потерю целостного, живого понимания человека, который либо способен использовать власть во благо, либо становится ее жертвой. Отец Джуссани говорил: «В наши дни со словом „я“ возникает большая путаница, и все же первостепенно важно понять, что такое моя личность [кто я такой]. И правда, моя личность находится в центре, в корне каждого моего действия... <...> Если я пренебрегаю собственным „я“, отношения с жизнью не могут стать моими, сама жизнь (небо, женщина, друг, музыка) не может стать моей. Со сторон окружающего мира [он говорил это уже тогда, много лет назад] на нас идет сильнейшее давление (через средства массовой информации, в школе, в политике), оно воздействует на нас и в конечном счете препятствует – как некий стереотип – любым попыткам осознания собственного „я“. И если случится, как оно и случается, что со всех сторон сдавлена, буквально подмята или запугана до отупения наша собственная личность, наше „я“, то мы это каждый день спокойноносим» (Ср. Л. Джуссани. В *поисках человеческого лица*. М.: Христианская Россия, 1997. С. 3–4).

Джуссани не хочет, чтобы мы успокаивались на этот счет. Я один из тех, кто, не моргнув глазом, позволяет подмять мою личность, а отец Джуссани подталкивает меня сзади, спереди, со всех сторон, и говорит: «Очнись! Ведь если нет тебя, ничто из того, что ты говоришь, делаешь, предлагаешь, чего желаешь, о чем мечтаешь, ради чего страдаешь, не является твоим!»

Добавлю последнее. В общем-то уже этого достаточно, чтобы быть благодарными. Но архиепископ Берголь во вступительной статье настаивает еще на одном измерении, очень интересном



и решающем для нас: «Для человека, забывшего или вычеркнувшего свои основополагающие „почему“ и пламенную жажду своего сердца [если человек поблек, угас, еле жив], когда ему говорят о Боге, это отвлеченные, эзотерические разговоры, или побуждение к набожности, никак не влияющей на жизнь» (*Il senso religioso*. P. VII). Побуждение человечности – путь, на котором вновь по-человечески поднимается вопрос о Боге. Если не будет вопроса о Боге и ответа на него, все риски, о которых мы говорили ранее, весьма вероятно приведут к тому, что одни люди будут использовать власть против других.

Именно поэтому мы сегодня возвращаемся к «факту» – религиозному чувству, понимая его вместе с отцом Джуссани, как «приглашение, побуждение вернуться к простоте и аутентичности нашей природы, нашего человеческого положения» (L. Giussani. *Lo rinasce in un incontro*. 1986–1987. Milano: Bur, 2010. P. 162), к притягательности того, чтобы быть людьми. Кто-то должен вернуть нам притягательность того, чтобы быть людьми!

**Элизи.** Ты только что сказал о приглашении быть людьми. «Религиозное чувство», несомненно, наиболее известный и переводимый на другие языки текст отца Джуссани, – первая часть целого пути, который Джуссани начал со школьниками из лицея Берше в середине пятидесятых годов прошлого века, со школьниками, чья вера была тесно связана с традицией, но не имела прочного основания (он называл его «адекватными причинами»). С ними он встал на воспитательный путь, начав с «Религиозного чувства», за которым последовали другие книги и которое является центральным в новаторском предложении Джуссани. Встретив молодых людей, чья вера была связана с традицией, но не имела прочного основания, он, чтобы помочь им понять, почему стоит верить, оттолкнулся от разумности базовых вопросов. Эта своего рода инверсия, не так ли? Вместо того чтобы анализировать отдельную проблему, начинать с самого начала. Уже это само по себе представляется мне революционным. Тем, кто не был знаком с Джуссани (я с ним не познакомилась), в книге постоянно задается вопрос (я услышала его для себя): может ли человек, особенно современный, обоснованно, разумно задавать себе подобные вопросы?

Действительно ли такое применение разума и религиозного чувства является великой новаторской идеей Джуссани в подходе к проблеме?

**Прадес.** В предисловиях к последующим изданиям «Религиозного чувства» Джуссани объясняет, в чем цель его усилий, что он предлагает: «Человек подступает к реальности [подступает к реальности, общей для всех людей, людей в прошлом и в настоящем, общей для нас и для всех, чтобы понять, понять жизнь, самих себя, других, все, человека] посредством разума». И это уже впечатляющее утверждение, поскольку существует множество альтернативных способов отношения с реальностью, отправной точкой которых является не разум, не целостное понимание разума, а чувство или же чистая иррациональность, в результате чего больше нет причин, а есть лишь скачки инстинкта или эмоций или бог знает чего еще. Джуссани же говорит: «Разум... определяет нас как людей. Поэтому мы должны горячо любить разумность: именно такая горячая любовь служит путеводной нитью на предстоящем нам пути. Вот почему первая книга „Пути“, „Религиозное чувство“, открывается тройным обоснованием метода, призванного помочь нам постигнуть тот способ, каким человеческое сознание по природе использует разум» (Ср. *Религиозное чувство*. С. 1).

Здесь, с одной стороны, замечательна и интересна оригинальность отца Джуссани, оригинальные, в высшей степени самобытные, на мой взгляд, черты его воспитательного предложения, вводящего нас в полноту реальности. С другой, приглядевшись, мы увидим, что он в этом следует доброй католической традиции. От Августина до Фомы, до Ньюмена не было в истории веры и Церкви ни одного «великого», кто, передавая веру, не задавался бы вопросом о разуме и не боролся бы за него. Можно сказать, что перед нами фигура, продолжающая в наши времена то же восприятие, тот же подход к реальности и тот же воспитательный метод. Так, через пробуждение разума (ты говорила о вопросах) путь, предла-

Такое пренебрежение  
человеческой драмой,  
вопросами,  
отсутствие любви  
к разумности жизни, –  
одна из черт ситуации,  
в которой мы находимся.



гаемый отцом Джуссани, способен преодолеть препятствие, которое много лет назад, в начале семидесятых годов прошлого века, выявил в Германии тех лет Йозеф Ратцингер. В одной своей известной книге он спрашивал себя, почему вера больше не передается, почему она больше не приживается. Он отвечал: «Кризис христианской проповеди, который все нарастает в последнее столетие, в немалой степени зависит от того, что христианские ответы не учитывали человеческие вопросы. Ответы были и оставались правильными, однако не обладали влиянием, поскольку не исходили из проблемы и не развивались изнутри нее» (Joseph Ratzinger. *Dogma e predicazione*. Brescia: Queriniana, 2005. P. 75). Недоставало не ясности наших христианских ответов (Ратцингер говорил о Германии семидесятых годов, о которой что-то да знал), а понимания связи ответов с человеческими вопросами.

Своим предложением Джуссани затрагивал как раз эту трудность, эти два как бы параллельных мира: ответы могли быть правильными (они были правильными, могли быть правильными), но вне встречи с другим они либо игнорировали жизнь, либо существовали где-то в стороне от нее. Такое пренебрежение человеческой драмой, вопросами, отсутствие пламенной любви к разумности жизни, по моему мнению, является одной из черт ситуации, в которой мы находимся и которой часто не в состоянии дать объяснение. Книга начинается тремя предпосылками относительно метода: первая касается реализма, вторая – разумности, а третья – влияния нравственности на динамику познания. Начнем наше исследование с этих трех предпосылок. И о каком исследовании вообще речь? Давайте по порядку. Реализм: метод определяется объектом. Что такое объект? Объект – это человек. Не определение человека, а личность,

какой являемся я, ты, каждый из нас. Каков же путь реалистичного исследования, если мы говорим о познании того, что есть человек? Кто я такой? «Что я сам?» – спрашивал Леопарди. Как мне кажется, в пятидесятые годы прошлого века Джуссани заранее ответил на вопрос Ратцингера, заданный в семидесятые. Я провожу довольно смелые исторические сопоставления, но, думаю, они могут быть полезными. Можно предлагать истину, правильные ответы, исходящие от откровения Тайны и заключающие в себе живой диалог с самими собой и с другим. Именно это позволяет понять содержание того, что предлагается как нечто важное, соответственное, а значит, и полезное для меня и для всех. Ратцингер ставил вопрос о ситуации и отвечал, что в ней недоставало *Mitfragen* – вопрошания вместе со всеми: «Поэтому участие в человеческих поисках – существенная часть проповеди, ведь только так слово (*Wort*) может стать ответом (*Ant-wort*)» (*ivi*).

Давайте же вернемся к нашим вопросам как к выражению открытости разума перед тем, что он не в состоянии ни вообразить, ни определить. Вот, как мне кажется, одна из самобытнейших и сильных характеристик предложения Джуссани.

**Элизеи.** Думаю, это ценно и с точки зрения диалога. Благодаря такому методу можно говорить действительно со всеми, ведь, как ты сказал, в таком случае мы не предлагаем исключительно правильные критерии, правильные обоснования, недостаточные для встречи с другим человеком.

**Прадес.** Мы рискуем прежде всего не встретиться с самими собой, а это гораздо хуже! Ты думаешь: «Я же сказал истину, как же он не идет за мной?» Причины, конечно, могут быть самые разные, но при отсутствии вовлечения в человеческую дра-

му возвешение, характерное для предложения отца Джуссани, замутняется, теряет силу. В своем опыте я видел, что, когда живешь в свете такой гипотезы, перед тобой открываются многие двери. Безусловно, открытая дверь – всего лишь открытая дверь, она не значит, что ты достиг цели. Но дверь открылась, а дальше посмотрим. Пока что начинается путь. Порой дверь захлопывают у тебя перед носом. Это всегда надо предусматривать. В таком случае ты начинаешь заново. И чем чаще ты начинаешь заново, тем больше являешься самим собой, увлекаешься путем, по которому идешь с другим человеком, поскольку в другом заключено что-то от тебя.

**Элизеи.** Ты говорил, что такую книгу стоит предлагать. Остановиться и читать ее в настоящий момент, посвящать время и силы такой книге – это прежде всего позволяет вернуться к самим себе. Ты сказал об этом, отвечая и на последний вопрос. Речь о проблеме сознания (мне кажется, что речь о проблеме сознания, так?). В определенный момент замечаешь, что жизнь не утекает сквозь пальцы, что тебе удастся проникнуть вглубь. И тут мы подходим к понятию опыта. Приведу маленький пример. На пасхальных выходных я была дома у родителей, и там звучала классическая музыка. Пока я слушала классическую музыку и читала некоторые тексты, я заметила, что мои дочери смеялись. Они смеялись и раньше, но в какой-то момент меня это растрогало, взволновало. Как это связано с опытом, о котором говорит Джуссани и который является одним из наиболее развиваемых им (опять же весьма отличным от привычного, обычного способа) понятий. Как же опыт связан с восприятием глубины момента, который ты переживаешь и в котором участвуешь?

**Прадес.** На мой взгляд, категория «опыта» – решающая для всей картины христианской и человеческой позиции отца Джуссани. В книге он по-разному, в том числе и богословским, причинам стремится точно объяснить, что он подразумевает под опытом. Он прекрасно знал, с каким недоверием к этой категории относился авторитет Церкви в первые тридцать-сорок лет XX века. Поэтому тут было не до шуток. Кроме того, в первую очередь на карту была поставлена жизнь молодежи и всех людей. Вот почему он сразу же решил уточнить, что он понимает под выражением «переживать опыт». Попробую сказать так: сегодня *переживать опыт* – значит попробовать, однако без

*Мы замечаем, что растем не в какой-то отдельной сфере человеческой деятельности, но в масштабе главного вопроса жизни, то есть вопроса о смысле существования. Замечать, что я с годами расту в плане постижения смысла жизни, – это получать во сто крат уже сейчас.*



критерия суждения опыта не существует. «Пробовать что-то» не значит переживать опыт в полном человеческом смысле, если не происходит сопоставления с критериями суждения, которые, по словам Джуссани, позволяют выявить все факторы ситуации, увидеть совокупность собственных потребностей и проверить очевидности, лежащие в сердцевине опыта. Опыт, понимаемый полноценно, с учетом критериев, делающих нас способными выносить суждение, помогает встречать лицом к лицу любые жизненные вопросы и при этом расти. Так, мне кажется, мы получаем во сто крат уже сейчас! Мы замечаем, что растем не в какой-то отдельной сфере человеческой деятельности, в одной или нескольких сферах, но в масштабе главного вопроса жизни, то есть вопроса о смысле существования. Замечать, что я с годами расту в плане постижения смысла жизни, – это получать во сто крат уже сейчас, а дальше – жизнь вечная.

Разумение реальности, пламенная любовь к разумности не теоретическое упражнение, они не могут им быть. «Теория» очень важна для многих из нас, она играет решающую роль в профессиональной жизни, но такого разумения невозможно достичь, заседая за столом, невозможно даже для тех, для кого за столом проходит вся работа. Разумение реальности достигается в сопоставлении с реальностью. Приведу пример, простите за его банальность. Я могу написать на доске: «Мамы любят своих детей. Дети любимы своими мамами». Эти слова не обнимают ребенка, находящегося перед доской, не утешают его. Они верны, нерушимо верны, но ребенок поймет



содержание разумной реальности, выраженной в словах, когда мама его обнимет, и он почувствует себя в состоянии даже без слов подтвердить (умей он говорить, он прокричал бы!): «Мама любит меня!» Простите мне этот простой пример, но он представляется мне полезным в свете того, что я только что говорил о критериях, образующих человеческое сердце. Согласно Джуссани, каждый из нас наделен критериями, с которыми можно соотносить что угодно. Мы наделены ими от природы, в силу нашего положения, нашего человеческого положения. Это критерии (если использовать характерное для Джуссани выражение), имманентные изначальной структуре человека.

Коротко останавливаясь на первом измерении критериев (без которых нет опыта и нет роста) в связи с жизнью, со смыслом жизни. Они объективны, одинаковы для всех, заключены в нас, даны нам. Они имманентны нашей человеческой структуре, но мы не можем ими манипулировать. Однако не нужно соглашаться с Джуссани, потому что об этом говорит он, и тем более не нужно соглашаться со мной, потому что об этом говорю я. Нужно это увидеть! Увидеть, как ребенок, способный подтвердить верность фразы о материнской любви. Попробую рассказать, где и как это вижу я.

Пару лет назад я читал современного испанского поэта Кармело Ирибаррена, и меня поразило его стихотворение всего из двух строк (двух строк!), которое называется «Мадрид, метро, ночь»: «Изможденные люди, чьи глаза уперты в землю, / спрашивают себя о жизни, о настоящей жизни... / ведь не может же она быть только вот этим». С глазами, упертыми в землю, они спрашивают себя о жизни, о настоящей жизни, ведь не может же она быть только вот этим. Обычные люди, работающие как сумасшедшие, возвращающиеся вечером домой в метро, измотанные, обессиленные, смотрят в землю и думают: «Что же такое жизнь?» Поэт прав в подобном понимании, в подобном прочтении сердца этих людей. И вот что меня поражает больше всего: откуда они знают, что жизнь не может быть «только этим»? Кто им сказал? Никто не говорил! Или говорил? Это не тот случай, когда ты раньше был богачом, а потом все потерял и теперь возвращаешься домой ночью в метро и говоришь: «Если б только у меня был водитель и машина! Как мне не хватает той жизни...» Нет! У тебя ее могло не быть никогда, ты мог никогда не видеть ничего другого. И все же ты знаешь, что жизнь не может быть «только этим». Откуда такая уве-

ренность? Кто кричит во мне? Что за голос кричит во мне о потребности в настоящей жизни? Если обратить все в утверждение, мы скажем: «Хорошо, жизнь не может быть только вот этим. Вот ты, измотанный, в расшатанном состоянии, в метро. Скажи, какая она, настоящая жизнь». Попробуйте сделать, как эти люди в метро (я и сам один из них!), начните спрашивать себя: «Что же такое жизнь?» Жизнь-жизнь, как сказал бы Августин. Что такое настоящая жизнь? Начните перечислять составляющие и попытайтесь понять, где вы остановитесь, где сможете сказать: «Вот, это жизнь!» Это крайне интересно. Когда человек видит это, он спрашивает себя: «Найдется ли в мире человек, воспринимающий себя как раб, работающий как раб и не ощущающий разрыв с жизнью, которая не ограничивается рабством?» Такие вещи нужно замечать. Это, скажем так, обобщенное наблюдение относительно смысла жизни, проявляющееся в разных ситуациях, в том числе и в самых простых.

Приведу еще один банальный пример. Я уже давно преподаю богословие, и какое-то время назад у меня был студент, который садился за самую последнюю парту, дальше уже просто было нельзя, и проявлял откровенное безразличие к тому, что я говорил (по крайней мере мне так казалось). Когда преподаватель видит такого студента, он, если честно, начинает о нем не слишком хорошо думать. Как-то раз, наверное, весной, я был у себя в кабинете и принимал студентов. В дверь постучали. Это был он: «Послушайте, я обычно с преподавателями не разговариваю. А вы к тому же мне особенно несимпатичны». – «Хорошо». – «И потом, это „Общение и освобождение“ мне не нравится». – «Ну что сказать? Ты не ошибся ли дверью? Почему тогда ты здесь?» – «Еще до Рождества мне стало очень трудно, и я думал все бросить. Я просил о помощи, мне давали советы, даже, пожалуй, хорошие и мудрые, но я нигде не сдвинулся, ничто мне не помогает. Однако я заметил, что мне помогает слушать вас на лекциях». Ничего себе! В тот момент у меня родился такой ответ: «Благодари Бога за то, что с тобой произошло, потому что ты заметил что-то настолько истинное, что это сдвинуло тебя с мертвой точки и преодолело все твои предубеждения. Тебя привязал свет и, как говорил отец Джуссани, убедительность истины, и привязал не ко мне, дорогой мой (я был лишь проводником), а к опыту истины, который ты сейчас пережил, проводником которого стал я. Если я тебе несимпатичен, на здоровье, но ты уже не вычеркнешь тот факт,



что уловил разницу между вещами, ускользающими от тебя, и проявлением незыблемой истины, убедительной, прозрачной, пробуждающей твою ответственность. Теперь действуй! Когда захочешь, я здесь». Он ушел. Потом вернулся один раз, много раз, мы стали большими друзьями. Сейчас я думаю, что он очень умный (естественно), он следует за прекрасной компанией нашего Движения. Я не знаю, помог ли ему, но этот эпизод стал огромной помощью для меня, потому что истина могущественна. В обществе, как наше, отрицающем даже вопрос об истине, я могу настаивать и говорить что угодно, но, когда проявляется истина, признанная, подтвержденная суждением, наша личность возрождается для всего! Этот студент теперь – замечательный священник.

**Элизеи.** Мы поняли, с помощью какого метода отец Джуссани подходит к религиозному чувству, с какой отправной точки предлагает нам смотреть на наше религиозное чувство. Ты, однако, говоришь, что человек покрыт многочисленными слоями предубеждений. Так с чего же начинать?

**Прадес.** Прежде, чем тебе ответить, хочу непременно сказать одну вещь. Другая сторона медали упомянутых критериев, которые сами по себе являются объективными, имманентными, данными, в том, что их можно применять ошибочно. И действительно, мы ошибаемся. Джуссани всегда приводил пример (я помню!) о начальнике, который влюбился в секретаршу. Он женат, у него трое детей, и вот он говорит, что уходит из дома. Во имя чего? Ради чего он предает? Никто не предает ради предательства, никто! Предают ради идеи о счастье, идее о любви, да, либо о счастье, либо о любви. Но можно ошибаться, глубоко ошибаться

ся. Близких всем нам примеров очень много. Подумайте также о потребности в справедливости. Не думаю, что человеческое сердце нуждается в чем-то сильнее. Достаточно почувствовать, что к тебе отнеслись несправедливо, и начинается светопреставление! Теперь взглянем с другой стороны. Ты хочешь творить справедливость: например, дома в отношениях с детьми. Я не говорю, что ты не хочешь быть справедливым, все мы знаем, когда мы не хотим быть справедливыми. Но, положим, ты хочешь быть справедливым и говоришь: «У меня двое детей, трое детей, у меня есть подчиненные, и я хочу быть справедливым. Могу ли я творить справедливость собственными силами? Что значит творить справедливость?» Очевидно, что без справедливости я не могу жить, поскольку я не выношу жизнь в несправедливости (раны, нанесенные несправедливостью, чудовищны). Ты говоришь: «Хорошо, я понял. Поскольку справедливость – потребность сердца, значит, любое мое телодвижение справедливо?» Это зависит от ситуации! Всегда существует возможность понять, что то, что я считал справедливостью, можно сравнить с «более справедливым» критерием справедливости, который заставляет меня изменить мнение и сказать: «Я думал, что был справедлив по мере сил, но мое сердце, с его потребностью в справедливости, будет и дальше меня исправлять, я всегда буду открывать для себя, что имманентный, данный критерий не я себе дал. Так исправится и то, как я применяю этот критерий».

Перейду к твоему вопросу. С чего начинать? Начинать надо... посмотрим, с чего начинает отец Джуссани.

**Элизеи.** Немного саспенса...

**Прадес.** В экзистенциальном исследовании, таком, к которому мы приступаем, следует начинать с себя. Джуссани говорит об этом ясно, и это в высшей степени сильный критерий. Сколько ставок делает он на протяжении книги, сколько серьезнейших решений принимает! Мы должны разобраться, в каком смысле он предлагает «исходить из себя... [и] делать отправной точкой собственную личность» (*Религиозное чувство*. С. 40). В современном контексте, в котором нарциссизм и индивидуализм, пожалуй, гораздо сильнее, чем пятьдесят лет назад, он говорит: «Исходить из себя реалистично тогда, когда ты наблюдаешь за твоей личностью в *действии*, то есть в повседневном опыте» (*Там же*). Итак, Джуссани подсказывает очень интересный методологический критерий. Откуда начинать? Необходимо определить, как устроена реакция каждого из нас перед лицом реальности. Нужно не заниматься самоанализом, не отстраняться, а смотреть на себя в действии, принимать удар. Вот почему реальность благотворна: если бы ее не было, мы бы все сошли с ума! Реальность – основа психического здоровья. Ты видишь себя в действии, видишь себя в отношении с реальностью, в поступках, в свете привязанности, которую переживаешь, в работе, в любви, в культурных, публичных, политических инициативах. Вовлеченность в каждый аспект реальности всегда дает тебе обратную связь, и если смотреть на нее через призму описанных выше критериев, она становится неиссякаемым источником стремления к тому, чтобы целостно понять жизнь. Мы не нуждаемся в другом. У нас нет недостатка в жизни и нет недостатка в реальности, провоцирующей нас ежедневно. И потому во всей полноте активируется динамика, позволяющая расти, если мы придерживаемся критериев и правильно применяем их.

**Элизеи.** Следующий вопрос связан с этим. Порой мы замечаем в себе или в людях, с которыми встречаемся, что сердце задремало. Как разбудить уснувшее сердце? Во вступительной статье Бергольо пишет: «Нельзя начать говорить о Боге, если прежде не сдуть пепел, гасящий пылающие угли основополагающих вопросов» (*Senso religioso*. P. VII–VIII). Я думаю об одном коллеге, недовольном своей любовной жизнью, работой и много чем еще. Но кажется, что он как бы даже довольствуется таким положением, решает им довольствоваться.

**Прадес.** С точки зрения воспитания каждого из нас (двенадцатилетних, четырнадцатилетних ребят, ваших детей, меня, которому шестьдесят два), вопрос очень важен. Именно в этом я глубоко нуждаюсь. Для нашего воспитательного пути, для передачи нашего опыта, для совместного разделения опыта это коренной вопрос. Как пробуждаются вопросы? Как просыпается дремлющее сердце? Сразу же перейду к знаменитой странице, на которой отец Джуссани отвечает как раз на твою озабоченность: как устроена реакция, вызываемая в нас реальностью, самая первая, самая исконная? Джуссани использует весьма оригинальный и очень красивый пример: «Представьте себе, что вы родились, вышли из чрева вашей матери в вашем нынешнем возрасте, в смысле развития и сознания, которые можно иметь сейчас. Каким бы было первое, самое первое чувство, то есть первая реакция пред лицом реального? Если бы я впервые в этот момент распахнул глаза, выходя из чрева моей матери, я был бы поражен и удивлен всем как „присутствием“» (*Религиозное чувство*. С. 117). Если бы мы могли родиться с сознанием взрослого человека, реакцией перед лицом реальности было бы удивление. «Вещи», «вещь», реальность.

Это не искусственный пример, мне он кажется очень точным и глубоким, поскольку все мы, будучи нормальными людьми, можем узнать себя в этом первом описании взволнованной реакции удивления перед обычными вещами. Мне вспомнилась книга, опубликованная много лет назад и вобравшая в себя свидетельства американских астронавтов и советских космонавтов о возвращении на Землю. Один говорил: «На выходе из корабля меня охватило странное чувство счастья.

*Откуда начинать?  
Необходимо определить,  
как устроена реакция  
каждого из нас  
перед лицом реальности.  
Нужно не заниматься  
самоанализом,  
не отстраняться,  
а смотреть на себя  
в действии, принимать удар.*





Земля пахла невыразимо сладко и глубоко, и как же приятно ощущать ветер после долгих дней в космосе». Другой признавался: «Сойдя с корабля, я был так счастлив увидеть, что земля уже покрыта первым тонким слоем осеннего снега. Мне захотелось броситься на землю, обнять ее и прижаться к ней щеками» (К. Kelley. *The Home Planet*. Reading, Ma: Addison-Wesley, 1988). Сколько людей в Советском Союзе видели по осени тонкий слой снега на земле? Все (кроме тех, кто жил на Черном море!). Нет ничего более банального, очевидного, чем снег в тех краях. Но достаточно вновь обрести изначальный взгляд, и тебе хочется броситься на землю от счастья!

Как бы то ни было, отец Джуссани приводит свой пример не просто чтобы стимулировать чувства, он не пытается сказать: «Мир приводит меня в хорошее настроение». Он считывает такой опыт (в пользу которого можно привести множество других разнообразных примеров) как указание на глубину реальности. Удивление – не просто чувство, а путь, ведущий к тому, что лежит «вне» и имеет ту же природу, что и изумление. Невообразимое и не поддающееся определению предстает передо мной настолько соответствующим, что вызывает удивление, взволнованность. Это фальшь? Видимость? Отец Джуссани смотрит на удивление как на дверь, окно, точку на горизонте, уверяющую нас: реальность – благо. Она не только «видится» такой, но дарует мне себя такой, какой видится, как благо. В этом уверенность, в этом постоянство.

Твой коллега, я и все мы можем пребывать в угаснувшем состоянии, пока по благодати с нами не случится встреча, пробуждающая удивление, пробуждающая человеческую динамику, вновь побуждающая к действию. Это решающий момент для того, о чем ты говорила в начале. Джус-

Ты идешь, идешь, идешь  
идешь все дальше,  
входишь внутрь этого опыта  
и в конце замечаешь,  
что у твоих истоков  
лежит ни много ни мало  
некая тайна,  
которой ты можешь  
сказать только «Ты».

сани подчеркивает, насколько глубок описанный в примере опыт. Ты идешь, идешь, идешь все дальше, входишь внутрь этого опыта и в конце замечаешь, что у твоих истоков лежит ни много ни мало некая тайна, которой ты можешь сказать только «Ты». Ты не можешь сказать ничего меньше «Ты» этому таинственному истоку в глубине тебя (ср. *Религиозное чувство*. С. 123–124). Так, если человек услышит христианскую весть, дорога к Богу будет для него гораздо более реалистично осмысленной, существенно важной с экзистенциальной точки зрения. Есть такая песня, *Sevillanas del Adios*: «Algo se muere en el alma, / cuando un amigo se va... <...> El barco se hace pequeño / cuando se aleja en el mar...» («Что-то умирает в душе, когда уходит друг... Удаляясь от берега, лодка становится все меньше». См. *Песенник*. М.: Духовная библиотека, 2006. С. 220–222). Джуссани говорит, что это самый благородный человеческий опыт. Точка теряется на горизонте: «*Sevillanas*, говорил я, – символ. Удаляющаяся лодка, судно, становится все меньше, чем дальше она уходит в море, тем меньше становится, пока не исчезает». Он добавляет: «Однако, в то время как для обычного человека горизонт – линия, на которой все тонет, все исчезает (*barquiño* в песне исчезает, превращается в точку, в точку, и потом исчезает), для христианина линия горизонта – загадка, тайна, из которой должно изливаться, проистекать перед ним, из которой к нему должно что-то прийти: это terra incognita, откуда к нему должен прийти тот, кто несет немыслимое богатство. <...> И действительно, в один прекрасный момент на горизонте, на линии горизонта появляется точка – та самая лодка. *Barquiño*, точка, становится все больше, на глазах у внимательного, пристально глядящего человека она становится все больше, все больше, так что обрисовываются ее внутренние черты и становится видно, что в ней сидит человек, лодочник. Лодка пристает к берегу, бросает якорь, и человек, который ждал, обнимает человека, который прибыл» (L. Giussani. *Realtà e giovinezza. La sfida*. Milano: Bur, 2018. P. 98–100, 102). Кто сможет с трепетом понять фразу: «Тайна стала человеком», – если слово «Тайна» не выявляет опыт таинственного непостижимого блага, проникающего во все слои жизни, чьего имени мы не знаем? Ты не знаешь имени Тайны, и она не говорит его тебе, но у Человека, сходящего на берег и обнимающего тебя (это Тайна, ставшая человеком), есть имя и Он знает по имени тебя.

В общем, если мы не совершаем целостный путь, даже самые священные слова нашей веры усколь-



Здесь нет зрителей, сегодня нет. Вы пришли сюда случайно? Не знаю, почему вы пришли, но вы здесь. И вы не зрители. Так что оставим открытым вопрос о том, что значит насыщенное переживание реальности. О ком я могу сказать, назвав имя и фамилию: этот человек соответствует тексту, он насыщенно переживает реальность?

зают от нас, не затрагивая ни на йоту. На самом же деле они дверь ко спасению для того, кто говорит: «Что я тут делаю, если я ничего не понимаю в моей жизни?» Я могу быть угасшим, но пробуждаюсь, потому что кто-то проходит рядом с такой способностью обнимать меня.

**Элизеи.** Что-то удивительное происходит, и это может нас пробудить. Раз уж мы говорим об удивлении, следующий вопрос будет связан с вопросом одного коллеги (у меня таких очень много!). В последние дни, готовясь к сегодняшней встрече, я носила книгу в сумке. Вероятно, ее было видно, и один коллега из любопытства достал ее. Посмотрел на название, а потом на последнюю сторонку обложки и прочитал: «Насыщенно жить реальностью». Подошел ко мне и спросил: «А что делает человек, который насыщенно живет реальностью?» Я сказала: «Приходи, послушай Прадеса, он ответит». Джуссани же говорит: «Какова формула пути к конечному смыслу реальности? Насыщенное ее, реальности, переживание». Что это значит?

**Прадес.** Замечательный вопрос. Оставлю его открытым для всех. Правда! У нас не так, что на сцене сидят актеры, а в зале – зрители, мне жаль! Здесь нет зрителей, сегодня нет. Вы пришли сюда случайно? Не знаю, почему вы пришли, но вы здесь. И вы не зрители. Так что оставим открытым вопрос о том, что значит насыщенное переживание реальности. О ком я могу сказать, назвав имя и фамилию: этот человек соответствует тексту, он насыщенно переживает реальность? Вспомним слова Чарльза Тейлора: «Сейчас эпоха подлинности» (С. Taylor. *The Ethics of Authenticity*. Harvard University Press, 2003). Действительно, когда слушаешь многие песни, например, *I Want it All*, жизнь кажется в высшей степени насыщенной, подлинной. Разве не так? *I want it all. And I want it now* ([Я хочу всего, и я хочу этого сейчас] Queen.

*I Want it All*. Альбом *The Miracle*, 1989, EMI). Каково же насыщенное переживание реальности? «Займемся делом!»? Гораздо прекраснее пересечься с кем-то, чья жизнь пробуждает во мне опыт соответствия, насыщенности реальности как пути к конечному смыслу. Нужно не упускать из виду вторую часть фразы. Насыщенное переживание можно понимать по-разному. Джуссани говорит, что оно необходимо, чтобы достичь конечного смысла. Мне интересно будет увидеть через несколько недель множество людей, мест, поступков, свидетельствующих о насыщенном переживании реальности, которое становится дорогой к судьбе.

**Элизеи.** Я хотела бы понять, чем интересно размышление о религиозности, о религиозном чувстве для тех, кто думает, что уже нашел ответ на эти вопросы, кто уже идет по пути веры. Одним словом, почему это не шаг назад и не повторение?

**Прадес.** Не только для тех, «кто думает, что уже нашел ответ», но и для тех, кто его нашел, потому что христианский ответ истинен. Джуссани однажды сказал: «„Религиозное чувство“ написали мы [мы... он!], мы, христиане, мы, католики». То есть мы, встретившие Иисуса Христа и обретшие в этой встрече человечность в том масштабе, в том богатстве, в той точности и полноте, какие описаны в «Религиозном чувстве». Так сказал Джуссани, а я вспомню еще фразу, которую часто повторял Хулиан Каррон: «Религиозное чувство – проверка веры» (*Tracce*. N. 2. 2011. P. I–XII). Прodelывать путь религиозного чувства как путь проверки веры – вот наша задача сейчас. А иначе как мы сможем, как я смогу передавать другим насыщенность, вкус, страстную любовь к вере, если, когда я говорю: «Воплощение Слова, ставшего человеком», – мне недостает всего, о чем было сказано выше? И какая разница говорить кому-то: «Пойдем со мной, будем вместе, я приду к тебе», – когда моя вера подпиты-

вается, поддерживается и движется за счет человеческой разумности, вытекающей из веры! Думаю, такое предложение позволяет (но не машинально, ничто не происходит машинально!) избежать формализма, формализма в том, как мы, христиане, переживаем нашу веру. А также уловить глубокую, экзистенциальную связь между всем, что предлагает христианство, предлагает Господь, с Которым мы встретились, и человечеством, которое ищет Его. С другой стороны, если религиозное чувство не находит то, ради чего стоит двигаться, оно обычно вырождается (так более-менее было всегда) в частности, подменяющие целое, поскольку нельзя жить без смысла. Если я не встречаю смысл, сделавшийся близким мне, воплощенный, я прочитываю его согласно моему воображению или моим определениям. Единственный, кто не позволяет замкнуть круг религиозного чувства, – Христос. «Remoto Cristo», как говорило древнее богословие, без Христа искушение свести проблему к образу или определению слишком велико.

**Элизеи.** Думаю, в завершение стоит лишь напомнить, что сегодня была презентация книги, но мы предлагаем также работу над «Религиозным чувством», чтобы все могли глубже войти в его содержание.

**Прадес.** Прекрасно. Об этом говорил Давиде, и ты тоже напомнила. Скажу и я совсем коротко. Во вступительной статье архиепископ Бергольо утверждает, что это «книга для всех». Это книга для всех!

Сама по себе она шедевр, но, на мой взгляд, этого недостаточно, потому что книга появилась не так. Привлекательней всего в «Религиозном чувстве» то, что оно предлагает целостный воспитательный путь, направленный на углубление целостного христианского и человеческого опыта, с которым каждый встретился и благодаря которому каждый дошел и до книги. Это не «самоучитель», не учебник по самопомощи (не знаю, как это называется)! Это выражение воспитательного предложения, являющегося частью пути, который не может вызывать интерес, если не достигает тебя через реальность, не пробуждает в тебе

удивление и не приводит в движение. Благодаря этому книга обретает весь свой вес.

Папа Франциск сказал нам в октябре прошлого года: «Церковь и я сам ждем [от Движения] большего, гораздо большего» («Пусть ваши сердца горят святым пророческим и миссионерским беспокойством. Аудиенция Святейшего Отца Франциска с «Общением и освобождением», 15 октября 2022 г. С. 10). Я смиренно думаю, что одна из самых прекрасных сторон нашего общего воспитательного пути, на который мы можем приглашать всех людей, состоит как раз в целостном опыте, в принадлежности к живому месту, где на человека смотрят таким образом. Эта жизнь, эта реальность помогает правильно предстоять перед любыми вызовами, упомянутыми ранее, глобальными и повседневными, которые Франциск называет «переменой эпохи». В этом смысле, по-моему, «Религиозное чувство» – источник исключительного воспитательного, культурного и миссионерского богатства, и его нужно предлагать всем, поскольку это по-настоящему полезно для нас.

**Элизеи.** Позовем Давиде Проспери для заключительного слова. Всем спасибо за внимание.

**Проспери.** Я хотел бы завершить эту встречу, продолжив то, что только что сказал Хавьер Прадес. Это не просто презентация книги (конечно, и презентация, но не только), но и предложение начать работу, которую мы, члены «Общения и освобождения», называем школой общины. Школа общины – встречи, проходящие раз в неделю или в две недели, обычно проводимые одним из местных ответственных Движения, который стремится углубить содержание предложенного текста через его внимательное сравнение с собственным опытом, как мы уже слышали. Школа общины имеет формат диалога и открыта для всех. Не требуется никаких предварительных условий принадлежности, религиозных убеждений или культурной подготовленности: достаточно быть готовыми слушать, проявлять интерес и серьезно относиться к собственной человечности. На самом деле, школа общины родилась от пламенной любви отца Джус-

*Это выражение воспитательного предложения, являющегося частью пути, который не может вызывать интерес, если не достигает тебя через реальность, не пробуждает в тебе удивление и не приводит в движение.*





сани к воспитанию. Он, как мы слышали, всю свою жизнь посвятил воспитанию молодых и не очень молодых людей, уча их свободно и серьезно смотреть на себя и на реальность.

Позвольте мне прочитать несколько отрывков из разных текстов отца Джуссани, в которых он объясняет смысл и цель школы общины. «Школа общины – это прежде всего работа. Работа созидательная, явление человеческой жизни, в силу которого, через формирование сотворенной реальности, реальности, окружающей нас, возникает нечто органичное, гостеприимное, полезное, миротворное, человеческое. <...> Меня сейчас просят: почему школа общины? Почему мы начали школу общины много лет назад? У жизни есть цель, и тот факт, что в повседневности существует множество насущных проблем, подтверждает наличие у жизни цели. Не будь у нее цели, не было бы и проблем. Вот чего мы хотели, когда начали школу общины: чтобы не было в нашей жизни проблемы, которая не находила бы ответа, сообразного ответа; сообразный ответ на проблему – причины, образующие проблему. Это придает жизни интерес и вкус. Разрешение проблемы жизни, именно жизни, придает ей интерес и вкус. Такое открытие я сделал в первые часы преподавания религии в школе. Мне пришлось осознать, что у веры больше причин, чем человеческий ум может найти сам по себе. Вера более способна отвечать на человеческие проблемы, чем разум. И потому мы возлюбили веру, ибо она предстала перед нашими глазами как величие более чарующее, нежели величие нашей человеческой мысли, более гостеприимное, нежели великодушное человеческое сердце» (L. Giussani. *In cammino*. 1992–1998. Milano: BUR, 2014. P. 240–241).

Итак, зачем нужна школа общины по книге, представленной сегодня вечером? «Религиозное

чувство» – первый том трилогии, в которой отец Джуссани описал полный путь катехизации для тех, кто встретил его или опыт веры, родившийся от встречи с ним.

Два других тома называются «У истоков христианского притязания» и «Зачем Церковь». Они посвящены соответственно опыту встречи со Христом, исторической и экзистенциальной, и тому, как этот факт продолжает пребывать в истории через компанию Церкви. Свою трилогию, первым шагом которой стало «Религиозное чувство», отец Джуссани определил, используя игру слов, *PerCorso*: курс, позволяющий проделать путь. Неоднократно отец Джуссани сам говорил о том, как важно работать на школе общины над «Религиозным чувством»: «Прежде чем мы начали школу общины, посвященную „Религиозному чувству“, я сказал, что позволял себе желать в конце работы одного: чтобы мы хотя бы немного ощутили, что всё и всё в нас зависит от того, что больше нас; больше не в смысле, что оно превосходит наше воображение, а в смысле, что оно иное „совершенно иное“, как напомнил нам однажды папа, процитировав одного выдающегося протестантского богослова. Наш разум до этого не доходит: ничто не сопоставимо с Богом, мы ничто перед „Ты“. Теперь второй шаг. Первый шаг в том, что Бог, о Котором говорит нам Христос, Которого явил нам Христос, ибо Бога никто никогда не видел, кроме Сошедшего с небес, – Тайна, Тайна, входящая в историю. Бог есть исторический Бог. Это невыносимо для человеческой культуры в любую эпоху. До идеи, до догадки, что реальность зависит от чего-то иного, дошли многие, даже Вольтер, даже самые враждебно настроенные по отношению к Церкви и к христианству люди. Но что эта Тайна затронула историю, что Бог стал Богом в истории, – это не легко снести, поскольку невозможно

помыслить. Именно потому, что Тайна немислима для нас, мы не в состоянии помыслить и как Тайна способна пребывать в окружении и внутри несчастий времени и пространства, несчастий, которые мы носим в себе и которые сопровождают нас от неуверенности утра к усталости вечера, из-за которых мы переживаем большую часть моментов жизни рассеянно и банально, которые обычно подталкивают к низменным поступкам. Бог входит во все это, тайна вошла в историю, Бог – Бог в истории» (L. Giussani. *La verità nasce dalla carne*. Milano: BUR, 2019. P. 190–191).

В другом месте он говорит: «Современный человек, имеющий такие притязания, никогда не воплощал в жизнь рабство – и ума и сердца, подобное нынешнему рабству, еще более чудовищному оттого, что человек стремится созидать себя сам, забывает свою всецелую и исконную зависимость: „Любовью вечной Я возлюбил тебя, Я привлек тебя к бытию, привлек к Себе, сжалившись над твоим ничтожеством“. Эта фраза соответствует фразе, которую произнес Христос перед тем, как отправиться на смерть: „Без Меня не можете делать ничего“. Нужно иметь такое сознание и такие чувствования, обусловленные самой обескураживающей очевидностью: нас могло не быть, мы есть не потому, что имели на это право, обладали силой или способностью дать себе жизнь. И потому в нас должно господствовать чувство собственной сотворенности, того, чтобы мы были избраны для жизни, избраны, чтобы существовать: не было никаких причин, чтобы существовал я, а не другие, бесконечное число других людей. Библия возникает, рождается и развивается целиком и полностью на основании этого глубинного чувства, этой конечной и изначальной истины, этой истины, проникающей во все поры кожи и все волосы на голове, «ибо и волосы на голове вашей сочтены», и ты при всем желании даже на миллиметр не можешь

Это возможность  
вновь поставить в центр  
нашего внимания  
наше истинное «я»  
и вернуться к по-настоящему  
свободному отношению  
с реальностью.

прибавить себе росту. Библия начинается с изначальных глубоких и конечных сознания и чувства такой всецелой зависимости» (*Ibidem*. P. 104–105). Вот основополагающее содержание школы общины, посвященной «Религиозному чувству».

Сегодня мы прекрасно видим, что ритм жизни, бешеная череда дней подталкивают нас к реактивным действиям, к погоне за результатами, которые дают мгновенный ответ на стимулы, внешние для нашей личности. Но именно поэтому мы ощущаем потребность иметь время для себя, чтобы остановиться и с любовью посмотреть на целостность нашего «я», без которой вся эта суматоха уверенно ведет нас к бессмысленности существования. Думаю, что начало подобной работы – возможность вновь поставить в центр нашего внимания наше истинное «я» и постоянно возвращаться к по-настоящему свободному отношению с реальностью: с работой, семьей, детьми, любовью, увлечениями, болезнью и одиночеством, радостями и горестями. Все может обладать смыслом для того, кто не опускает руки и не отказывается от поисков смысла существования.

Закончу короткой цитатой Джуссани: «Я желаю вам, чтобы вы на собственном опыте убедились, что к любой проблеме можно подойти с доводами, предвещающими решение или указующими на него, и что все эти указания исправляет и совершенствует вера. Как когда просыпаешься на рассвете, еще в сумерках, и не видишь ничего ясно, кроме последних звезд. Угадываются очертания предметов, домов, деревьев, холмов. В один прекрасный момент происходит явление, которое кажется обычным, но оно странно. Оно не возникает из сумерек, более того, позже становится понятно, что сумерки возникают из него. Явление это – восход солнца. И вот дома, деревья и холмы обрисовываются согласно их подлинной природе, согласно их подлинной форме, и все сливается в спокойствии, в рамках которого человек уверен, начинает действовать уверенно. Желаю вам, чтобы школа общины была для вас таким солнцем, восходящим из сумеречной неясности естественных догадок, естественного ума» (L. Giussani. *In cammino*. 1992–1998. P. 241):

Приглашаем всех вас проделывать с нами эту работу, не претендуя на то, чтобы изменить мир, но с надеждой, что мы начнем менять самих себя. О месте и времени встреч разных школ общин можете спросить у тех, кто вас пригласил сегодня, или же в письменной форме по адресу секретариата Движения: [info@clonline.org](mailto:info@clonline.org).

Еще раз спасибо всем, особенно отцу Прадесу и Ирене Элизеи. Хорошего вечера.

© 2023 Братство «Общениа освобождения»

Фото на обложке: © Shutterstock

Фото в тексте: © Pino Franchino/Fraternità CL